

Донское казачество в отношениях с Крымским ханством: некоторые тенденции развития в XVII в.

Отношения донских казаков с мусульманскими государствами Причерноморья (Османской империей и Крымским ханством) развивались в XVII в. не менее противоречиво, чем с Россией, причем для «мусульманской стороны» казаки, следуя терминологии Э. Хобсбаума, тоже выступали в роли «социальных бандитов». XVII век, впрочем, привнес в историю отношений Войска Донского с Крымом и Османской империей новые не конфронтационные практики – и речь шла не о ситуативном переходе казаками «границы миров», а реализации в жизни новых коллективных взглядов донцов на возможности *постоянного* там проживания. В конце XVII в. в истории государства Гиреев произошло крайне примечательное событие – ханы обрели сразу несколько сот новых подданных в лице казаков-старообрядцев, выходцев с Дона¹. Для науки большой интерес представляет ответ на вопрос о случайном, либо закономерном характере возникновения такого явления. Проблематика статьи рассматривается автором в контексте масштабной научной проблемы «Казачество Дона и Северного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (XVII в. – начало XIX в.)»².

Пристального внимания ученых заслуживает принципиальное замечание Н.А. Мининкова о том, что на пути исторического сближения донских казаков с «противной стороной», формирования условий для новых (прежде всего – невоенного свойства) практик «стояли огромные трудности, в том числе психологического характера, которые определялись давлением исторической традиции»³. С одной стороны, полагаю, генерализировать неприятие казаками пространства мусульманского мира вряд ли продуктивно с научной точки зрения. Сами условия «донского фронта» (постепенно, конечно, «закрывающегося» к концу XVII в.) подталкивали его жителей к освобождению от многих т.н. «метропольных» поведенческих установок. Хотя общевойсковая идентичность (в форме принадлежности к войсковому или донскому братству) стала преобладающей среди донцов, сохранялись и иные идентичности. В последнем случае вряд ли можно говорить о примате обще-

войсковых принципов отношения донцов к туркам, татарам, ногайцам. Поскольку о едином донском казачестве говорить не приходится (и речь даже о не о «внутридонской» региональной идентичности – верховые/низовые), то еще труднее полагать наличие единых установок со стороны казаков по отношению к мусульманству, «мусульманскому миру», туркам/татарам как «врагам христианства» и т.п. С другой стороны, стоит переоценивать *системную* готовность (тем более – после азовских событий) турок и татар принять казаков в свое подданство; а казаков, в свою очередь – массово преодолеть коллективные представления о «нечестивых агарянах». И позицию Войска Донского здесь можно признать более принципиальной, нежели, скажем, Войска Запорожского.

Запорожцы, что вообще характерно, активнее других казачьих сообществ развивают в XVII в. практики отношений с мусульманскими государствами Причерноморья. Так, еще в середине 1620-х гг. запорожские казаки приняли активное участие в династических распрях на территории Крымского ханства, поддерживая Шагин-Гирея, бросившего вызов турецкому султану. Крымско-украинское сближение, начавшееся весной 1624 г., когда калга Шагин-Гирей впервые обратился за помощью к сечи, завершилось в декабре того же года подписанием... крымско-запорожского договора о союзе и взаимной помощи⁴. Вся вторая половина 1620-х гг., как пишет Б.Н. Флоря, «прошла под флагом участия запорожцев в междоусобной войне в Крыму, куда они неоднократно совершали походы вместе со сторонниками Шагин-Гирея»⁵. При этом показательно, что, как впоследствии задумали и донские казаки (но уже в конце XVII в.), часть казаков-запорожцев стала рассматривать Крым как место убежища в случае своего поражения. Полагаю также, что при трактовке событий, связанных с переговорами крымского хана и запорожских казаков в середине XVII в. (как оснований для создания более прочного союза или даже государства?) необходимо рассматривать их, как минимум, в контексте стратегического совпадения антиосманских интересов Крыма и Войска Запорожского. Недаром в конце 1640-х гг. среди современников даже распространились сведения (имевшие под собой определенную почву) о готовящемся нападении крымско-запорожского войска на Стамбул.

Важно проследить (анализируя причины и последствия *менявшегося постепенно* отношения донских казаков к Крыму и Ос-

манской империи во второй половине XVII в.), как донские казаки реагировали на соответствующие «мирные» практики отношений запорожцев с Крымским ханством, какие они для себя делали выводы. С одной стороны, донцы и запорожцы совершили совместную (в итоге – неудачную) атаку на турецкий Азов в июне 1656 г., причем акция состоялась вопреки запрету Посольского приказа. С другой стороны, Войско Донское настороженно отнеслось к крымско-запорожскому союзу времен Б. Хмельницкого (о «турецком» векторе внешней политики гетмана см. также⁶). Сам гетман, в свою очередь, предлагал донским казакам (в условиях начавшейся освободительной войны против Речи Посполитой) прекратить походы «на море для добычи и на крымские улусы». В разговоре с царским посланником Г. Нероновым Хмельницкий даже заявил: «...Донские казаки моего письма не послушали, на крымские улусы приходили: так я Крымскому царю хочу помочь, чтобы Донских казаков впредь не было...»⁷. В обращении гетмана на Дон от 30 марта 1650 г. содержалась серьезная угроза, что в случае продолжения казачьих набегов на Крым «...мы будем промышлять за нелюбовь вашу, взяв бога на помощь, нелюбовью отдавать»⁸. Донцы, не исключая возможности похода против них как черкас Запорожской Сечи, так и татар, просили даже русское правительство о помощи⁹.

Донцы, надо сказать, весьма негативно оценивали факты сотрудничества запорожцев с Крымом: «А в Запорожье де живут Черкасы люди непостоянные и худые: как увидят неприятельской приход, и они многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Озов, и в Азове де Черкасс умножено, и учинен де у них в Азове черкасской атаман Бердниченко»¹⁰. Далее, в расспросных речах за 1 декабря 1657 г. донцы сообщали о многочисленных фактах участия Бердниченка и самих черкас в набегах азовцев – на Торец (Тор), Валуйки, Новый Оскол, «по речкам и государевым городам». В недавно вышедшей статье Н.А. Мининкова¹¹, обращено внимание на недостаточную изученность вопроса о конфликтах между донцами и запорожцами, в т.ч. сквозь призму их разного отношения к сотрудничеству с Крымом. Малоизвестный факт: когда во время Адахунского сражения (1638 г.) турки заперли в заливе казаков, то некоторые запорожцы, «видя, что им детца негде, убоясь, учили переметыватца к [крымскому] царю и к туркам»¹². Напротив, ничего подобного не наблюдалось тогда в поведении донских казаков.

Говоря о других аспектах проблематики статьи, считаю возможным привести пример из сферы той «пограничной хронологии», которая в известном смысле может быть признана «водоразделом» при анализе наблюдаемого явления (речь идет о т.н. «послеразинском» периоде в истории донского казачества). *Контакты сторон (Крыма и донцов), что примечательно, развивались в немалой степени под влиянием конфликтотенного потенциала выступления С.Т. Разина, т.е. были вынужденно актуализованы.* Оказывается, что еще в 1668 г. С. Т. Разин предполагал войти в сношения с крымским ханом Адиль-Гиреем через посредничество ногайского Исуп-мурзы. «Заинтересованный», вероятно, мятежным атаманом, знатный ногаец даже прибыл в Бахчисарай: «И хан де тому мурзе в прошенье войска не поверил, а говорил, *что они изменники и верить им не можно* (выделено автором статьи – Д.С.)»¹³. Впрочем, по состоянию на осень 1668 г. (вероятно, еще в ноябре) ногайский мурза оставался в Крыму – без итогового решения хана по указанному вопросу. *Вероятно, перед нами – одно из самых первых, известных к настоящему времени специалистам, свидетельств об установлении контактов между крымскими ханами и верхушкой Войска Донского.* До описываемых событий, скорее всего, о подобных контактах на столь высоком уровне не могло быть и речи. Налицо определенно вынужденная инициатива С.Т. Разина попытаться завязать контакты с крымским двором; А.В. Цюрюмов справедливо указывает на сложность такой мотивации, частично обусловленной сближением Разина с Мончаком¹⁴.

В случае с перепиской конца 1660-х гг. инициатива, скорее всего, действительно исходила от атамана Разина, намеревавшегося обрести совершенно разных союзников, включая Крым, калмыков, Запорожскую Сечь. И, конечно, вполне показательна реакция крымского хана Адиль-Гирея – *эмоционально-негативная.* Перекопский бей также подтвердил в 1668 г. возвращающемуся из Крыма в Москву гонцу И. Суздальцеву, что Разин присылал в Крым «просить людей, чтоб ему зимою идти на Дон и весь Дон разорить»¹⁵. По версии информанта московского гонца, в Крыму якобы было решено согласиться с предложением атамана и «идти зимою». Воевода Я. Хитрово сообщал даже о намерении хана Адиль-Гирея снабдить С.Т. Разина лошадьми¹⁶. Безусловно, в дальнейшем потребуются дополнительные источниковые изыскания, но вместе с тем можно полагать, что в этом и других подобных случаях Крым вряд ли

организовал масштабную провокацию характера «информационной войны».

Похоже, что позже, летом 1670 г.¹⁷, Разин не оставил попыток вступить в контакт с крымским ханом: «...и в Крым де от него, Стеньки, присылка, чаять, будет же»¹⁸. Известно также, что разговоры о переселении тот же казачий лидер «вел в свое время... с персидским шахом и противником Москвы – украинским гетманом Дорошенко»¹⁹. С другой стороны, известия о том, что Разин изготовил множество судов и «хочет итить на Черное море к турецким кра[ям]» (полученные в Москве 11 марта 1671 г.), вызвали едва ли не переполох в Османской империи. Оповещенный азовским Сулейманом-пашой, великий везирь «многие де турецкие города, при море будучие, приказал... покрепить и воинскими и всякими запасы пополнить»²⁰. Особо подчеркнут опасения турок, «чтоб казаки Озова не взяли, потому что крепко де Черное море Озовом, а естли де Азов доста[нетца] в руки казаком, и на Черное море и вытить им будет нельзя...»²¹. Мало кто обращал внимание на тот факт, что выступление Разина вызвало соответствующую переписку между Бахчисараем и Стамбулом, что правитель Крыма «почасту» писал султану о разинском выступлении. В частности, хан Селим-Гирей писал об установлении контактов с мусульманскими народами Поволжья, поддержавшими Разина.

Из статейного списка возвратившегося из Крыма подъячего Г. Михайлова (1671 г., апреля 16) становится известно об одном любопытном факте, а именно, вероятном «метисном» происхождении С.Т. Разина. Один из крымских чиновников заявил, что крымскому хану Адиль-Гирею стало известно от азовского паши и от нагайских мурз, что «объявился с ваши стороны на Волге казак тума Стенька Разин и набрал де от многих самовольников русских людей и нагайцев»²². Правда, составители сборника, в котором помещен документ, посчитали приведенное свидетельство хотя и интересным, но не вполне правдоподобным. Между тем контакты ханского двора с донскими казаками получили новый импульс, обратную связь; показательным здесь можно считать намерение Селим-Гирея в 1671 г. «ему с Стенькою и с астраханскими и с нагайскими татарами и со всем Крымом ударить на Московское государство войною»²³.

К слову сказать, позже, в другой период своего правления, именно Селим-Гирей поддержал в начале 1690-х гг. донских каза-

ков-старообрядцев, пришедших в его кубанские владения. Считаю, что практики со стороны хана «образца» 1670-х гг. могли опосредованно этому способствовать. В 1688 г. перебежчик из турецкого Азова сообщал Войску Донскому сказ о якобы имевшем место уходе крымского хана (тогда в Крыму правил Селим-Гирей I. – Д.С.) за Перекоп, из опасений лишиться престола по воле султана – Сулеймана II. Перебежчик уточнял, что намерения хана якобы в том, чтобы «отложитца к Черкасскому или к *Донским казакom* (выделено мной. – Д.С.) и салтану турецкому чинить отмщение»²⁴. Возможно, в данном случае до жителей Азова дошли известия о том, что в ответ на предложение из Стамбула выступить в венгерский поход, хан ответил отказом, мотивируя «его необходимостью заняться охраной собственных владений, которым угрожало вторжение ляхов и московцев»²⁵. При султанском дворе были встревожены таким поведением хана; начались даже разговоры о претензиях Селим-Гирея I на самостоятельность. Впрочем, хан решил отправиться в Стамбул, выехал туда в январе 1689 г. и впоследствии самым достойным образом был принят султаном. Так или иначе, но направленность слухов о месте возможного укрывательства хана «мятежника» (у казаков на Дону) весьма интересна – ничего совершенно невероятного турки в этом не находили. Таким образом, при анализе динамики процессов, характеризующих наблюдаемое явление, необходимо

Уместно отметить и такой факт – крымский хан предпринял попытку расширить сеть своих «казачьих корреспондентов»; свои письма он направил также В. Усу, одному из ближайших соратников С.Т. Разина и Ф. Шелудяку (Шолудяку), атаману в Астрахани, также активно поддерживавшему мятежного донского атамана. Письмо хана сумело дойти до Астрахани, попав в руки «воровского» войскового подъячего Я. Ефремова. Очевидец, державший документ в руках, свидетельствовал позже на допросе, что после изготовления копии (перевода?) «то де крымское и его, Янкино, письма послали они к Стеньке Разину под Синбирск (таким образом, речь идет о событиях 1670 г. – Д.С.)»²⁶. «С пытки», подчеркну, Ефремов свои слова об указанной переписке подтвердил. Как и оказалось впоследствии, переписка крымского хана с Войском в атаманство С.Т. Разина действительно имела место, и к сфере слухов, нереализованных замыслов сторон ее отнести, конечно, нельзя. Уже в 1673 г. Москва озаботилась изъятием писем ханских «листов», еще на-

ходившихся *почему-то* у Войска. Царской грамотой от 2 января 1673 г. Войску Донскому повелевалось прислать указанные «листы» с толмачом И. Кучюмовым, направляемым из Москвы на Дон²⁷. В конце января того же года Кучюмов был заслушан на казачьем круге в Черкасске, после чего казаки «те листы хана крымского, что писал к Стеньке Разину, сыскав у себя в войску, отдали ему тотчас»²⁸. Обращают на себя внимание детали всей этой истории, масштабы которой, вне всякого сомнения, выходят за рамки одного лишь нереализованного союза крымского хана с мятежным атаманом. Оказывается, что информация о письмах была получена в Москве «стараниями» станичного еще тогда атамана Ф. Минаева (будущего войскового атамана), между тем как Войско возглавлял тогда К. Яковлев. В таком случае обращают на себя внимание два, как минимум, обстоятельства:

- вероатное укравательство, по своей сути, атаманом Яковлевым, таких писем как важных улик-фактов «воровства» не только Разина, но, собственно говоря, и Войска Донского (возникает вопрос, зачем Войску нужно было хранить «опасные» письма, сохранявшие для него *какое-то значение*);

- актуализация информации о хранящихся в Войске опасных письмах носила инспирированный характер; скорее всего, в действиях информатора – Ф. Минаева, имелся определенный политический расчет.

Исход «разинщины» оказался знаменательным еще в таком измерении – лето 1671 г. привнесло в историю текст *первой* в истории донского казачества присяги, по которой атаманы и казаки были приведены «к вере» сначала в Москве. Те же действия надлежало провести впоследствии и на Дону: полковник Г. Косагов и дьяк А. Богданов, получившие подробный наказ с текстом присяги, отбыли на Дон в июле 1671 г., как указывает С.И. Рябов. Во главе крупного отряда ратных людей царские посланцы прибыли 24 августа, а 29 августа 1671 г. состоялась присяга. Среди императивных условий Войску, содержащихся в тексте присяги, обращает на себя внимание и такое: «*И в Крым* (выделено мной. – Д.С.), и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в-иныя государства не отъехать, и из города и ис полков без указа великого государя и без отпуску не съехати, и города не здати, и в полках воевод не покинути, и с его государевыми недруги и со изменники не ссылатися»²⁹.

Территория Крымского ханства, таким образом, стоит на *ле-*

рвом месте в числе возможных, в понимании царизма, земель как направлении «географической измены» со стороны донцов. О землях Османской империи речь в документе не идет (хотя факты бегства казаков в османский Азов уже имели место). С.И. Рябов, не приводя аргументации, пишет, что такое «неупоминание» связано с компромиссным характером присяги³⁰. Но в таком случае возникает один, как минимум, вопрос – готова ли была в таком случае Москва отказаться от контроля за интенсивными контактами казаков с османским Азовом? «Странность» ситуации состоит здесь и в том, что Москве было отлично известно о самостоятельных практиках Войска по «замирению» и «розмирению» с Азовом. При характеристике документа подчеркну также, что у нас нет пока свидетельств об уходе казаков в Крым, либо ногайские владения Гиреев, скажем, в 1660-е–1670-е гг. Но подозрения Москвы уже имеют под собой весомые основания – ведь по ряду показателей, как было показано выше, Дон и Крым преодолевают «давление» исторической традиции. Даже *слухи* об этом, распространившиеся и в России, и в Азове etc, автор уверенно относит к историческому фону менявшейся ситуации, когда они, слухи, могут служить верифицирующим основанием для проверки других, уже многочисленных, данных. Тема возможной «крымской измены» со стороны казаков проявится уже через несколько лет после «усмирения» Дона начала 1670-х гг. Так, в 1675 г. Войско Донское столкнулось с массово негативной реакцией казаков на попытки добиться выдачи в Москву Сеньки Буянки. Недовольные усилением административного давления Москвы, казаки, жители многих городков, «говорят, что хотят собрався идти великого государя на ратных людей, которые в ратном городке, и воевод и всех начальных людей и стрельцов московских побить всех, а городовым стрельцом дать волю»³¹. На специальную «думу» («незаконный» круг?) казаки даже стали съезжаться в Паншинский городок. Обращают на себя внимание слова царских «информантов» о том, что казаки говорили такие слова: «А естли де пришет великий государь на Дон рать большую, и они де замирятца с Озовом и поднимут Крым»³². Нельзя при этом не обратить внимания на атмосферу, обстановку, сопровождавшие вербализацию подобных заявлений – речь идет о казачьих городках, станичных избах и пр.³³ Таким образом, считаю, можно говорить и о массовости соответствующих настроений, и об их направленнос-

ти в первую очередь на членов «Мы-группы», а не царских представителей.

Делая промежуточный вывод, укажем не следующее: вероятно, в наличии у специалистов еще мало данных, которые позволили говорить, например, о сравнении уровня статусности в казачьей среде русского царя и турецкого султана, но, кажется, что сама постановка проблемы – о поисках казаками иных, нежели никонианская Россия, векторов притяжения (персонифицированная, быть может, в лице мусульманских государей), логически проистекает из условий пребывания донских казаков во фронтальном пространстве Поля. Можно, кроме того, констатировать необходимость обращения ученых ко всем без исключения событиям полихромной палитры отношений казаков не только с Россией, но и с Крымским ханством, Османской империей. Для понимания исторической ситуации во всей ее полноте необходимо в качестве «оптического прибора», обращенного в прошлое, использовать не только «российское», но и «крымско-турецкое зеркало» – вероятно, вследствие чего казачья проблематика (конечно, главным образом применительно к событиям XVI–XVIII вв.) получит основания для самого перспективного изучения.

Причины, повлиявшие на развитие качественно новых отношений сторон (рубеж 1660-х – 1670-х гг.), очевидно, требуют дальнейшего изучения и осмысления, но некоторые замечания высказать необходимо. В частности, заслуживает внимания мысль В.Н. Королева о том, что сами казаки могли *дифференцированно* подходить к вопросу – насколько негативно стоит относиться к тому или иному правящему хану (историк иллюстрирует это на примере отношения казаков к Мухаммед-Гирею IV – см. о нем выше)? Соответственно, и в практиках решения ханами «казачьего вопроса» имели место определенные «новации», первые из которых (по принципу так важной для части донского казачества *обратной связи*), скорее всего, и относились к временам указанного правления Селим-Гирея. Таким образом, при изучении истории отношений казаков с Крымом и Османской империей вполне возможно обращение специалистов к роли т.н. «субъективного» фактора. Еще раз обращу внимание, что до начала 1670-х гг. отношения крымских ханов с донскими казаками оставались устойчиво *неприятными и даже враждебными*. Такое положение вещей наблюдается, подчеркну, на фоне прочных, часто – не конфронтационных практик от-

ношений Крыма с запорожскими казаками. Причем, подчеркнув, вопрос о том – вступать или не вступать в союз с Войском Запорожским – имел в понимании Гиреев все шансы разрешиться положительно, поступаться *принципами* здесь уже не приходилось.

Донских же казаков ханы «преследуют» в XVII в. с завидным *постоянством* – в информационном, политическом, географическом пространстве. Но со второй половины XVII в. ситуация *качественно* меняется. При этом, учитывая всю сумму фактов при комплексном анализе проблемы, обращая внимание на роль *информационной среды* (включенной в «пространство» когнитивной истории³⁴), то *каузальная* связь всех последующих событий с рубежным периодом 1660-х–1670-х гг. предстанет в новом свете. В таком случае оказывается, что отношения сторон развивались под влиянием самых различных факторов – информационного пространства, конфликта казаков с Москвой, противоречивых отношений Крыма с Османами (при очевидном влиянии личных качеств С.Т. Разина и хана Селим-Гирея). Наконец, все более «уверенной» трансформации стали подвергаться и массовые представления донских казаков о турках и татарах – на фоне роста в казачьей же среде негативных характеристик «никонианской» Москвы.

Источники и литература:

¹ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2009. С.202; Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. Тверь, 2000. Вып.2. Архив Санкт-Петербургского институт истории РАН (Архив Спб ИИ РАН), Ф.178. Оп.1. Д.12348. Л.1–2; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб.1406. Л.178.

² Сень Д.В. Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-letecie unii hadziackiej (1658–2008) / Pod. red. Teresy Chynczewskiej-Hennel, Piotra Krolla i Mirosława Nagielskiego. Warszawa, 2008; *он же*. «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.) // «Казачество России: прошлое и настоящее»: Сб. науч. ст. Ростов на/Д., 2008. Вып.2; *он же* Початковий етап соціальної адаптації козаків-некрасівців на території Кримського ханства: його роль і значення в історії кубанського козацтва (1708–1712) // Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень. Дніпропетровськ, 2008. Вип.4.

³ Мининков Н.А. [Рец.]. Д.В. Сень. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) // Отечественная история. – 2001, №5. – С.196.

⁴ Фаизов С.Ф. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 г.) // Україна в Центрально-Східній Європі. – Київ, 2005. – Вип.5. – С.204.

⁵ Флоря Б.Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. – М., 1995. – Вып.1. – С.73.

⁶ Чухліб Т. Особливості турецької політики гетьмана Б. Хмельницького / Чорноморська минувшина: Записки Відділу історії козацтва на Півдні України. – Одеса, 2007. – Вип.2; Прицак О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною / Український археографічний щорічник. Нова серія. – К., 1992. – Вип.1.

⁷ Цит по: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. – М., 2005. – С.391.

⁸ Донские дела. – СПб., 1913. – Кн.4. – Стлб.521.

⁹ Мининков Н.А. Войско Донское и Запорожская Сечь: к характеру взаимоотношений в первой половине XVII в. // 350-lescie unii hadziackiej... S.436.

¹⁰ Донские дела. – Петроград, 1917. – Кн.5. – Стлб.254.

¹¹ Мининков Н.А. Войско Донское и Запорожская Сечь... – S.425–437.

¹² Там же. – S.434.

¹³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в. / Сост. Е.А. Швецова, ред. – акад. Л.В. Черепнин, д.и.н. А.Г. Маньков. – М., 1976. – Т.IV (дополнительный). – С.11.

¹⁴ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста, 2007. – С.112.

¹⁵ Крестьянская война... – Т.IV. – С.12.

¹⁶ Крестьянская война... / Сост. Е.А. Швецова. М., 1954. Т.I. С.109–110.

¹⁷ Крестьянская война... / Сост. Е.А. Швецова, ред. проф. А.А. Новосельский. – М., 1957. – Т.II, Ч.1. – С.552.

¹⁸ Составители сборника «Крестьянская война...» (Т.2. Ч.1.) скептически отнеслись к данному известию, ссылаясь, в частности, на возможность двоякого прочтения аналогичного сообщения – см. с.552 указанного тома. Между тем, здесь же, рядом со словами толмача П. Кучюмова, приводимыми в предыдущей сноске, находим: «Жилец Кузьма Коржавин про вора сказал *те ж речи* (выделено мной. – Д.С.)». Вопрос о сношениях Разина с ханским двором остается, считая, перспективным.

¹⁹ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). – М. 1967. – С.73.

²⁰ Крестьянская война... – Т.IV (дополнительный). – С.41.

²¹ Там же. – С.42.

²² Крестьянская война... / Сост. Е.А. Швецова, ред. проф. А.А. Новосельский. – М., 1962. – Т.III. – С.54.

²³ Там же. – С.82.

-
- ²⁴ Дополнения к Актам историческим. – СПб., 1872. – Т.12. – С.227–228.
- ²⁵ Смирнов В.Д. Указ. соч. – С.434.
- ²⁶ Крестьянская война... – Т.Ш. – С.258.
- ²⁷ Там же. – С.288.
- ²⁸ Там же. – С.291.
- ²⁹ Крестьянская война... – Т.Ш. – С.148.
- ³⁰ Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. – Волгоград, 1992. – С.81.
- ³¹ Крестьянская война... – Т.Ш. – С.352.
- ³² Там же. – С.352.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. – С.353 и др.